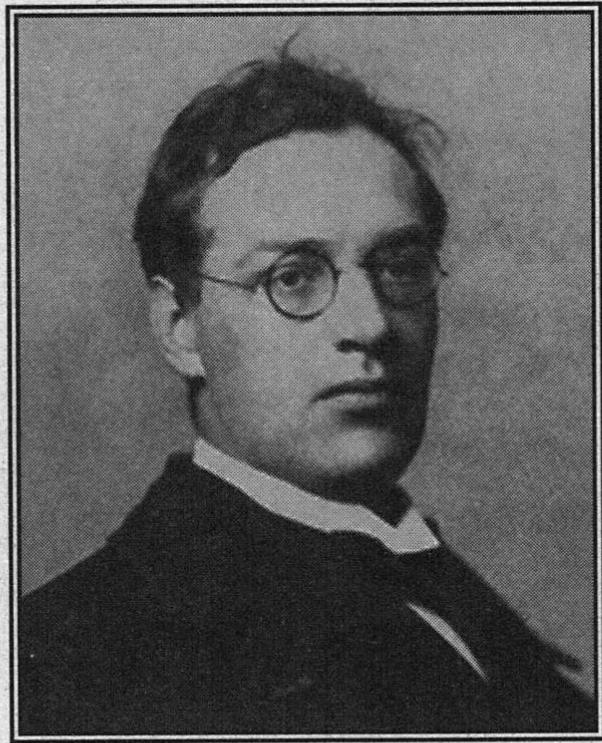

Юрий Осипов

Борис Пильняк

«Я хочу быть
сам по себе»

После долгого периода забвения интерес к творчеству Бориса Пильняка сегодня нарастает. В 20-е же годы прошлого века его имя гремело. Пильняка много переводили и печатали за рубежом. Одно время он возглавлял список самых издаваемых в Советском Союзе литераторов. Студенты-филологи и читающая интеллигенция увлекались пронзительным произведением писателя — «Повестью непогашенной луны». И, подобно герою этого произведения, легендарному командарму, за которым угадывается фигура Фрунзе, жизнь Пильняка была трагически оборвана в 38-м...

Арест Бориса Пильняка произошел практически на глазах его соседа по переделкинской даче Бориса Пастернака и произвел на последнего столь гнетущее впечатление, что он дачу вскоре сменил. А в опустевший дом Пильняка вселили затем двух наркомов. Но вскоре забрали и их...

В последнем слове на суде перед вынесением смертного приговора Борис Андреевич сказал: «Я очень хочу работать... хочу иметь перед собой бумагу, чтобы написать полезную для советских людей вещь».

Настоящая фамилия писателя — Вогау. Его отец происходил из немцев-колонистов Поволжья, переселившихся в Россию при Екатерине II после кровопролитной Семилетней войны. Мать же будущего прозаика

была родом из патриархальной купеческой семьи. А сам он родился в 1894 году в Можайске, неподалеку от Москвы. При этом его детство и юность прошли в разных провинциальных городах России — Сара-

тове, Богородске (Ногинске), Нижнем Новгороде, Коломне. Теперь там на домах, где в раннюю пору довелось жить Борису Пильняку, мемориальные доски.

Именно впечатления детских лет, проведенных в русской глубинке, отразились потом во многих произведениях Пильняка. В 1913-м году он окончил реальное училище в Нижнем, а в 1920-м — экономическое отделение Московского коммерческого института. Из-за сильной близорукости в армии не служил и участия в революции не принимал. А вот писать начал с девяти лет и в 1915-м уже публиковался в журналах и альманахах «Русская мысль», «Жатва» и других. Тогда же выбрал для себя псевдоним «Пильняк» (этим словечком жители деревни, в которой летом гостил юноша, называли место лесных разработок).

Заметный читательский резонанс творчество писателя получило вслед за выходом в свет второй его книги «Былье» (1920). «У Пильняка свои слова, свой ритм, своим темы. У него какой-то особенно четкий рисунок и тонкая мысль подлинного модерниста» — так отзывался о нем авторитетный «Вестник литературы». В книге была дана одна из первых попыток отразить быт революционной эпохи: смятение, разброда, неустойчивость и одновременно вспыхнувшие иллюзии и надежды на светлое будущее.

Однако подлинную литературную известность принес Пильняку роман «Голый год» (1921). В нем показана

жизнь условного провинциального города Ордынина в страшном и голодном девятнадцатом году. Символически — перед нами вся Россия. Традиционную сюжетную линию заменяет здесь мозаика, коллаж эпизодов и колоритных сценок по принципу постоянного смещения точек зрения: («Глазами Андрея», «Глазами Натальи», «Глазами Ирины» — это названия подглав). Причем писатель устранился здесь также от прямых авторских оценок происходящего и сознательно лишает повествование главных героев, тут все персонажи равноправны. Их пестрая галерея отражает разные лики города и его окрестностей: перед читателем проходят во всей красе большевики в «кожанках», коммунары, анархисты, священнослужители, сектанты, знахари, совслужащие. И у каждого — своя правда. А вот единой-то правды нет на свете! — утверждал Пильняк.

«...Ночью же ходить по городу до-зволяли неохотно, и, если спросонья будочник спрашивал: — Кто идет? — надо было всегда отвечать: — Обыватель! — В канцеляриях и участках, как и полагается, били людей, особенно ярыг, жестоко и совершенно, специалистом был околоточный Бабочкин.

А над городом подымалось солнце, всегда прекрасное... проходили весны, осени, зимы, всегда прекрасные, всегда необыкновенные».

Что принесла захолустному Ордынину пролетарская революция,

автор романа показывает весьма неоднозначно, и поэтому его творчество с начала 20-х годов вызывало у критиков жаркие споры. Едва ли какой-либо другой советский писатель удостаивался столь противоречивых оценок в периодике, хотя «Голый год», безусловно, сделал Пильняка классиком современной отечественной литературы и способствовал рождению в ней такого яркого явления, как «орнаментальная проза».

Одни считали его революционным прозаиком, другие, напротив, были убеждены, что он реакционен, приклеивали ему, наряду с Булгаковым, ярлыки «попутчика» и «внутреннего эмигранта», однако в большом таланте Пильняка не сомневались ни те, ни другие. Вводила в заблуждение двойственность творческой позиции этого непростого художника. Один из основателей новой советской прозы высокого уровня, всегда подчеркивавший свою лояльность советской власти, Борис Андреевич отказывался вступать в партию и правду искусства ставил выше любых идеологических предписаний, которым как-то внешне пытался следовать. Со страниц своих произведений он слал приветствия Октябрю, но ортодоксальные критики носом чуяли отсутствие «коммунистического стержня» в его художественных книгах и публицистике.

Опять-таки одним из первых деятелей советской литературы Пильняк посетил в 1922 году Германию.

Он ведь хорошо говорил по-немецки, и на него возложили ответственную миссию представлять на Западе писателей, «рожденных Октябрьской революцией». Выбор был правильным, поскольку «Голый год» с энтузиазмом приняла вся русская эмиграция, осевшая в Берлине. Тогда же у Пильняка вышли там помимо «Голого года» еще две книги — «Иван-да-Марья» и «Святой камень-город». Поездка на берега Рейна укрепила Бориса Андреевича в бесценном ощущении творческой свободы, способствовала расширению его кругозора и окончательному самоопределению в художественном плане.

Важное значение имел для него также вояж в 1923-м в Англию, где он встречался с крупными писателями, в том числе с Г. Уэллсом и Б. Шоу. Британская цивилизация и индустриальный прогресс произвели на Пильняка большое впечатление, и поступательное развитие революционных преобразований на родине он теперь связывал, прежде всего, с городом, промышленностью.

В личном дневнике за 1924-й год Борис Андреевич признавался: «Я не... коммунист, и потому не признаю, что я должен... писать по-коммунистически». И в зловещие тридцатые, когда уже будет набирать силу страшный террор, он, играя с огнем, продолжал отрицать в дневнике принцип партийного руководства литературой, отстаивал право писателя на независимость и объективность.

Еще раньше официозная пресса начала массированную атаку на автора «Голого года», называя его мелкобуржуазным писателем, а то и просто предателем.

В 1926 году Пильняк написал свое, наверное, самое знаменитое и скандальное произведение — «Повесть непогашенной луны». Прототипы главных героев угадываются тут сразу — Сталин и Фрунзе. В этой небольшой по объему повести, которую критики упорно величали романом, автор впервые в нашей лите-

нарком по военным делам, покорно соглашается на ненужную ему операцию, выполняя поступивший сверху приказ. Он, без тени сомнения отправлявший на смерть тысячи бойцов во имя стратегических задач, сознательно приносит в жертву собственную жизнь. Рассказывая эту трагическую историю, Пильняк убедительно вскрывает глубинные смыслы бытия.

На выход повести в толстом литературном журнале «Новый мир» власти отреагировали на второй же

Именно впечатления детских лет, проведенных в русской глубинке, отразились позже во многих произведениях Пильняка. Писать он начал с девяти лет и в 1915-м уже публиковался в журналах и альманахах. Тогда же выбрал для себя псевдоним «Пильняк». (Этим словечком жители деревни, в которой летом гостил юноша, называли место лесных разработок.)

ратуре попытался «разобрать» механизм уничтожения, основанный на незыблемом постулате — непререкаемой партийной дисциплине, беспрекословном повиновении приказам вышестоящих. Эта безжалостная дисциплина и является двигателем механизма, вызванного к жизни слепым следованием догме. Вот на какой почве рождаются тираны и диктаторы.

Понимая, что его задумали убить, главный герой, легендарный командарм Гражданской войны, бывший

день — весь тираж журнала был конфискован. Скандал в прессе заставил Пильняка выступить на страницах «Нового мира» с покаянным письмом, в котором он признавал допущенную «бестактность», однако все обвинения отвергал. Это не остановило организованную травлю писателя в печати. Критики старались перещеголять друг друга. Их статьи пестрели такими вот заголовками: «Уроки пильняковщины», «Против пильняковщины и примиренчества с ней» и тому подобное.

В ходе этой вакханалии впервые была опробована снискавшая впоследствии печальную известность формула «сам я не читал, но искренне возмущен».

Ожесточенные гонения в печати на Пильняка длились с 1929-го по 1931-й год. Протестуя, Пильняк и, из солидарности с ним, Пастернак, Ахматова покинули ряды Всероссийского Союза писателей, который до того возглавлял автор «Повести непогашенной луны». Сама эта писательская организация, дававшая ее членам официальный статус и тем самым доступ к публикациям, была вскоре закрыта. А у Пильняка же, тем не менее, продолжали тогда выходить новые произведения, в том числе, повесть «Красное дерево» о послеоктябрьской жизни провинциального городка, которая только подлила масла в огонь. Критики буквально бесновались: «Недопустимое явление», «Красное дерево с белой сердцевиной»...

Одним из немногих, кто встал на защиту Пильняка, оказался Максим Горький, кстати говоря, «Красному дереву» не симпатизировавший.

По всем меркам, ситуация вокруг Пильняка сложилась совершенно парадоксальная. Заклейменный в прессе «внутренним эмигрантом», он оставался самым издаваемым и самым благополучным советским писателем. Его ежемесячный доход в десять раз превышал заработок среднего рабочего. Имелся у Бориса Андреевича и личный автомо-

биль — привилегия, доступная лишь самым обласканым властью собратьям по перу и представителям высшей номенклатуры. В 1929-м вышло собрание сочинений Пильняка в шести томах, в 1930-м — восьмитомник. Его повести «Штосс в жизнь» и «Красное дерево» свободно печатались в берлинском издательстве «Петрополис» наряду с произведениями ведущих мастеров новой русской литературы.

Борис Пильняк объехал буквально весь мир. Европа, Америка, Япония, Китай не раз становились его многомесячными маршрутами. Пильняка много издавали за рубежом, и писатель оправдывал необходимость загранкомандировок тем, что издатели «его безбожно обворовывают», и он мог бы ежегодно отчислять со своих гонораров Госбанку до полутора тысяч инвалютных рублей.

Весной 1934-го Пильняк ходатайствовал о вояже в Прибалтику и Скандинавию уже вместе со своей третьей женой, происходившей из старинного грузинского княжеского рода Кирой Андроникашвили, тогда еще студенткой ВГИКа, которая затем стала киноактрисой и режиссером. Вслед за мужем она была ре-прессыирована в 38-м, отделавшись, к счастью, в отличие от него, восемнадцатью годами лагерей. Чудом избежал репрессий их сын Борис, тоже актер и сценарист.

В длительных зарубежных поездках писатель умел зорко подмечать

многое, вдумчиво наблюдать чужую жизнь, сравнивать ее с нашей, обладал своим оригинальным видением мира. Так было не только в цивилизованных странах, но и на Памире, в Афганистане, Монголии. Пильняк был участником трудных северных морских экспедиций, опасных рекордных перелетов. Он даже спускался в тяжелом водолазном скафандре на дно Черного моря... Особо важным было его путешествие в Японию в 1926 году, вскоре после установления этой закрытой островной страной дипломатических отношений с Советским Союзом. Японии посвящены три оригинальных произведения Пильняка — художественный очерк «Корни японского солнца» и два рассказа, в которых автор показал традиционный восточный уклад жизни этого удивительного народа и поведал о литературной Японии начала 20-го века.

Его поистине можно назвать «странствующим писателем». Словно что-то гнало этого неуемного человека вдаль — от до-

машнего очага и комфортного быта в окружении любящей семьи, от дружеских застолий в писательском клубе (как тут не вспомнить массолитовский ресторанный зал в «Мастере и Маргарите»!) ну и, разумеется, от всевозможных злопыхателей за спиной...

Путевые рассказы и очерки Пильняка — важная часть литературного наследия писателя. Он относился к ним с той же высокой мерой ответственности, как и к своим художественным произведениям, тщательно отделял их, добиваясь предельного лаконизма повествования, расцвечивал характерным поэтическим слогом. Вот небольшой пример. «Каменная тропинка вела на кладбище... Вдалеке дымился вулкан. Направо и налево уходили горы. Рядом со мною были рисовые поля. Глубочайшая

тишина. Кладбище заросло печалью бамбуков». И далее: «Всем сердцем я хотел проникнуть в душу Японии... вся эта страна, недоступная мне, засасывает, как болото... Человек Запада засасывается Востоком, деформируется, заболевает болезнью, имя которой «фэбрис ориентис»... и все же выкидывается впоследствии Востоком...»

Человек исключительно любознательный и общительный, Борис Андреевич любил водить дружбу с сильными мира сего, включая близ-

го членского билета, атмосфера политического недоверия и творческого неприятия вокруг него сгущалась. Официальные инстанции многого не могли ему простить.

А книги его тем временем продолжали выходить. Так, в 1935-м на прилавки магазинов лег 5-й том собрания сочинений писателя, куда вошли «О'кэй. Американский роман», «Камни и корни», рассказы. Эти вещи трудно упрекнуть в отсутствии социальной ангажированности. И в то же время они сохраняют определенную идеиную независимость, эда-

О всем меркам, ситуация вокруг Пильняка сложилась совершенно парадоксальная. Заклейменный в прессе «внутренним эмигрантом», он оставался самым издаваемым и самым благополучным советским писателем. Его ежемесячный доход в десять раз превышал заработок среднего рабочего. В 1929-м вышло собрание сочинений Пильняка в шести томах, в 1930-м — восьмитомник

кого к Троцкому К. Радека и самого Троцкого. И когда они «пошли ко дну», то потянули за собой людей из своего окружения. Подобно Исааку Бабелю, дружившему с женой некогда всесильного Ежова, та же участь постигла Пильняка.

Несмотря на то, что в 1934-м он был избран делегатом I Учредительного съезда советских писателей и вошел в руководящие органы вновь созданного писательского Союза, с весомыми благами и привилегиями для обладателей его заветно-

кое стилистическое щегольство, которое особенно раздражало противников Пильняка.

«Газетные вырезки... надо увеличить, чтобы услышать ту тишину, которую предлагали Гувер и Морган... Совершенно ясна мудрость Гувера, когда он в послании конгрессу утверждал, что «нормальный образ жизни и развлечений» — залог будущего американского просперитета. Газетные вырезки показали, как американцы активно изживают кризис. Что касается тишины, то... аме-

риканские врачи, исследовавшие влияние нью-йоркского шума на человеческий организм, утверждают, что шум от времени до времени становится необходимостью... и что джаз порожден именно необходимостью шумов для человеческого организма».

Или вот еще: «На глаз европейца, сына западной культуры, вся страна, весь быт и культура японского народа построены по принципу «наоборот», наоборот тому, что принято в Европе. В Японии почетно самоубийство, в Европе оно считается позором. В Европе женщины — по крайней мере, в идеалах — впереди, в Японии — позади... В Европе в опасных и неприятных ситуациях лицо делается сумрачным и натянутым, — в Японии в этих случаях улыбаются... о состоянии духа японца можно узнать по его рукам, по их движениям, — руки европейца ни о чем не говорят».

В октябре 1937-го Борис Андреевич был арестован на даче в Переделкино, когда праздновал день рождения трехлетнего сына. В справке на арест указывалось на его помощь из личных средств сосланному Радеку и другим троцкистам.

Во время следствия Борис Андреевич не признал себя троцкистом, однако под пытками сообщил, что еще с первой поездки в Японию в 1926-м году был связан с офицером Генерального штаба и агентом разведки, а по совместительству профессором Йонекавой, через ко-

торого осуществлял шпионскую деятельность.

21 апреля 1938 года Пильняк был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по сфабрикованному обвинению в государственном преступлении — шпионаже в пользу Японии. Вменялась ему в вину и организация уже совершенно фантастического заговора среди писателей с целью совершения террористических актов против членов правительства. Вынесенный приговор — расстрел. В тот же день он был приведен в исполнение на подмосковном спецполигоне «Коммунарка», недалеку от сегодняшней одноименной больницы и элитного коттеджного поселка «Дубровка».

Так и лежат в земле расстрельного полигона большие наши писатели — Борис Пильняк и Артем Веселый. Ни надгробий, ни памятников...

Все это разгадаешь ты один...

Когда бессонный мрак вокруг

клокочет,

Тот солнечный, тот ландышевый

клин

Врывается во тьму декабрьской

ночи.

И по тропинке я к тебе иду,

И ты смеешься беззаботным

смехом,

Но хвойный лес и камыши в пруду

Ответствуют каким-то странным

эхом...

Вот как написала Анна Ахматова в стихотворении «Памяти Бориса Пильняка» (1938 г.) □